

В. П. РАКОВ

Заметки дилетанта (О книге доцента Д. Смирнова¹)

Книги пишутся по-разному. Одни из них рождаются из собранных исследователем материалов и источников, выстроенных по избранной автором логической схеме. Подобные издания, не выходящие за рамки профессионального стиля, хороши тем, что соответствуют нормам «литературы по теме». В других же сочинениях читатель находит ту же энциклопедическую полноту источников и значимых фактов, столь же ясные, как сейчас говорят, пафосные линии и четкую систему координат, в которых рассматривается та или иная проблематика. Кажется, что вопрос о том, чем же отличается один тип исследований от другого, вроде бы и неуместен. Однако это не так, совсем не так. Стиль второго автора не похож на стандартные образцы, принятые в современном научном дискурсе. И дело здесь не в формальных отличиях письма в срезе образности и цветистости выражений – этого наука не терпит, а совсем в другом – в иной призме восприятия изучаемой темы, которая в глазах автора предстает в своей многогранной противоречивости и стереоскопическом богатстве смыслов. И есть еще одна, едва ли не главная, особенность такого взгляда ученого на вещи: что бы ни попало в горизонт его внимания, все осеняется идеей человековедческого плана и получается так, что любая, даже самая абстрактная мысль кажется нам любопытной и остро актуальной. Как-то Я. Голосовкер заметил, что *интересное* есть элемент *чуда* и потому-то последнее хочется созерцать и постигать, испытывая чувство наслаждения. Не об этом ли писал Р. Барт в статье «Удовольствие от текста»?

Книга, о которой пойдет речь, вызывает у меня гедонистическую реакцию, хотя прямо и не связанную с моей профессией: сочинение Д. Смирнова – философское, я же – филолог, ну, и, если вспомнить то, что записано в моем университетском дипломе, еще и историк. Поэтому читателю этих строк вряд ли стоит ожидать квалифицированной рецензии на труд ученого. В силу вышесказанного, мой отзыв – это суждения дилетанта,

увидевшего в трактате коллеги «с другого берега» то, что интересно человеку, не чуждому склонности к теоретизированию на темы эстетики и литературоведения, а также, правда, не часто, заглядывающему в фолианты по истории своего Отечества и зарубежных стран. Так что доза некоторого легкомыслия, если оно, по недосмотру редактора, проникнет на эти страницы, вероятно, извинительна.

Для всякого гуманитария небезразлична тематика, избранная Д. Г. Смирновым. Как видно из названия сочинения, тут речь идет о проблемах, неотъемлемых от изучения истории человеческого духа. Такие термины, как семиология и рядом с нею стоящая семиотика, в последние десять-пятнадцать лет – семиосфера, а еще ранее того – биосфера и дискурс, подчиняясь закону филиации идей, интенсивно расширили пространство своего функционирования. Процесс этой своеобразной языковой глобализации не только неизбежен, но и плодотворен, обеспечивая возможность таких исследований, в результате которых возникает ценный опыт осмысления межпредметных областей знания.

В книге внимательнейшим образом рассматривается вопрос о внутренней, можно сказать так: органической связи понятий биосферы, ноосферы и семиосферы. Я высоко ставлю стремление ученого ввести эти понятия в контекст *целого*, что позволяет найти для последнего обобщающий термин – ноосферология.

В наше время, когда устрашающими темпами происходит дифференциация отраслей знания и даже смежных областей внутри них, не мешает вспомнить некоторые яркие эпизоды из истории научной мысли. В качестве примера приведу сочинение А. Белого «История самосознающей души». Текст этого произведения остается не освоенным. Ни философы и эстетики, ни филологи, которым надо было бы это сделать в первую очередь, не успели вникнуть в методологию и теоретическую глубину названного шедевра – не только поэта и прозаика, но и оригинального русского мыслителя. Тут дается широкая и объемная картина исторического

становления человеческой индивидуальности во всем разнообразии ее характерных черт. У А. Белого мы наблюдаем подвижную и гибкую способность воссоздавать изучаемый предмет в его целостности, что, по мнению автора, является первой задачей всякого знания. В «Истории...» представлены исследовательские стратегии, выраженные в *дискурсе природы, в дискурсе человеческого тела* и, наконец, в тактике подхода к ментальным уровням культур, в контексте которых возрастает человеческое «Я». Надо ли говорить о том, что сочинение А. Белого упомянуто мною не случайно: монография Д. Смирнова написана почти в той же системе методологических параметров: ведь в ней повествуется о биосфере, ноосфере и семиосфере в их, как уже было замечено, онтологической нераздельности. Хороший урок для историков литературы и искусства, а также культурологов, которые при изучении, например, стилей и направлений в творчестве далеко не всегда могут справиться с задачей воссоздания целостной идеи этого, иногда пестрого, множества. Концепция *взаимоупора* различных типов образного и научного мышления, выдвинутая С. Аверинцевым в его трудах о византийской культуре, реализуется в рецензируемой книге, но, разумеется, в формах иного, философского, семиозиса.

В некоторых течениях мысли утвердился взгляд на культуру как духовную форму, принципиально удаленную от природы. Построения Д. Смирнова реагируют на подобные схемы заостренно полемически. Вспоминается, что тот же Я. Голосовкер в эссе «Миф моей жизни» ставил цель «вернуть духу его место в единстве природы и культуры». Он шел дальше и даже утверждал: «Дух не что иное, как *инстинкт*». В книге анализируется сложная фабула отношений между природностью и ментальными глубинами культуры. Перечисленные «– сферы» составляют морфологию пирамиды – именно так исследователем выстраивается космопланетарная фигурность бытия. Вершинной точкой тут выступает образ *человека* с его созидательным потенциалом. Это – не только

необходимая правда и красивая геометрия (что, заметим, задолго до нашего времени было запечатлено в философии и художественной литературе), но и поучительная аксиома, о которой не следует забывать ни специалисту-эстетику, ни историку и уже тем более – интеллигентоведу. Но – пойдём дальше. Жанр рецензии повелевает быть кратким и потому обратим внимание лишь на наиболее важные моменты исследования, именно, второй его части, отданной рассмотрению проблем семиотики природы, затем – культуры и универсума в целом.

Читатель найдет здесь много интересного, кем бы он ни был по своей специальности. В самом деле, разве ему не понадобится знание того, что такое знак как информационный феномен? (с. 154). Или осведомленность в том, что история цивилизаций фиксирует наличие доязыковых каналов информации? (с.158). А уж суждения автора о семиотической асимметрии сознания вызовут любопытство со стороны многочисленных поклонников «острого» в науке. Привлекут внимание и такие разделы книги, как: Знак в контексте универсумной семиотики; Человек как знак или знак как человек? Однако вернемся к ранее затронутому вопросу о реализации антропного принципа изучения культуры, но теперь уже взятой на уровне ее знаковой манифестированности.

Если бы мы располагали большей печатной площадью, нам было бы о чем поговорить и как можно подробнее. Но, увы, приходится ограничиться малым. Поэтому из множества имен ученых, исследования которых привлекаются автором монографии, назовем лишь самое известное в отечественной науке. Это – Ю. Лотман с его концептуальными и во многом пионерскими трудами в области семиотики культуры. Ссылками на его статьи и книги буквально испещрены писания российских литературоведов, культурологов, да и историков тоже. Из этого источника можно черпать бесконечно. И, тем не менее, назрела необходимость известной коррекции методологии Ю. Лотмана. Д. Смирнов, в частности, справедливо указывает, что функционально-морфологическое восприятие культуры – слишком узко.

«При таком подходе, – пишет он, – в стороне остались некоторые существенные моменты, без рассмотрения которых картина оказывается неполной: исключительно структуралистское понимание семиосферы недостаточно», поэтому возникает надобность в том, чтобы использовать «социально-антропологический подход» (с. 34). Исследователи, оперирующие ресурсами семиотики, должны отнестись к этому замечанию как предостережению от пустого «фехтования кодов» (У. Эко).

Продвижение автора книги от одной проблемы к другой осуществляется в форме эскалации его метода в том смысле, что начальный этап их изучения (термины, общее содержание темы и т. п.) сменяется переходом к все усложняющимся спектром идей. Так, погружаясь в пространство семиосферы, Д. Смирнов рассматривает *знак* в контексте мифа и первобытной семиотичности, затем он поднимается до уровня Символа в развитых культурах, где его семиотика представляется неохватной. Мысль исследователя дерзает разобраться в отношениях между смысловой апофатикой и личностью, что само по себе похвально, но, тем не менее, проблема слишком сложна, чтобы удостоиться лишь беглого очерка. Ясно, что в будущем автор займется ею более специально и в расширенном формате.

В отечественных гуманитарных науках идет процесс освоения новых методологических стратегий, при этом создается впечатление некоторой вторичности нашей мысли, развивающейся в алгоритме то ли гипертрофированной эмпирики, то ли в почти зеркальном повторе теоретических схем, выработанных современной западной философией. Д. Смирнов последовательно напоминает коллегам о традициях В. И. Вернадского, А. И. Вейника и других мыслителей, не чуравшихся достижений мировой науки, но, вместе с тем, развивавших собственные оригинальные концепции. Мне приходят на память слова академика П. Н. Сакулина об *икаризме* русского мышления, что тут же и подтверждается в тексте анализируемого трактата, именно там, где автор говорит о том, что я

бы назвал номотетическими обобщениями. В ноосферно-семиотическом круговороте знаков, кажется, просматривается некий закон, формулу которого, как пишет Д. Смирнов, удалось вывести И. Дмитриевской: информация генерирует энергию, энергия структурирует вещество. В книге это именуется ноосферным естественным законом, но, кроме него, есть и другой, названный универсальным семиотическим законом. Его словесное выражение таково: вещество разворачивается в энергию, энергия распаковывает информацию (см.: с. 102-103).

Эти номотетические максимы очень важны. Придет время, и ученые разных специальностей выскажут свои соображения на этот счет. Я же полагаю, что тезис о структурирующем импульсе энергии влечет за собою проблемы *ритмики* процесса и конфигуративной специфики создающейся предметности, в том числе и эстетической; этот же импульс определяет процедуру раскодировки содержания – будь оно безмысленно-морфным или осянным семантической прозрачностью. Вполне понятно, что обращение к упомянутым законам ко многому обязывает исследователей, ведь от них требуется владение державностью разума, чтобы уметь не только что-то обобщать, но и дифференцировать, различать и классифицировать, чтобы не утратить ориентиры в гуще семиотической реальности.

Апеллируя к теории эпистем М. Фуко, Д. Смирнов – и это достойно подражания! – не отказывается от честолюбивых научных планов, когда пишет, что «при таком подходе можно пойти и дальше. Раз познавательный стиль формируется сознанием, можно говорить не только о стилях эпох, но и о стилях наций и народностей или религиозных познавательных стилях» (с. 175).

Несомненно, что эта идея поддержана классической наукой об искусстве и литературе, выдвигавшей формационный идеал обобщений в конце XIX – начале XX веков. Ныне поэтологи говорят и пишут, к сожалению, несмело, о так называемом Большом стиле. В свое время академик Д. Лихачев исследовал системы Великих стилей. Становится ясно,

что без дефиниций поэтики обойтись трудно. Я надеюсь, что в недалеком будущем Д. Смирнов вернется к намеченной им проблематике, тем более, что ему как философу есть на кого опереться, хотя бы, например, на О. Шпенглера. Но его ждут сложные вопросы. Так, придется размышлять над судьбой стилей в соотнесении их с дискурсами – еще и потому, что некоторые мыслители связывают будущее культуры исключительно с развитием дискурсов, которые окончательно вытеснят стили, нейтрализуют их, заменив искусство писателя на умение скриптора. Но – довольно об этом.

Заключительные главы книги посвящены обсуждению проблем интеллигенции, что логично: ведь она – создатель теперь уже почти тотально семиотизированного универсума. В ней же практически реализован образ самого себя осознающего человека, выступающего в роли вселенского, если так можно выразиться, регулятива. Он – высшая точка культурного пирамидона. В связи с этим Д. Смирнов напоминает слова Тейяра де Шардена: «Человек не статический центр мира <...>, а ось и вершина эволюции, что много прекраснее» (с. 154). Хорошо сказано! Заметим, что, помимо прочего, здесь акцентирован момент эстетизма, проявляющийся в конфигуративном понимании универсума. И все это ассоциировано с интеллигенцией, то есть, буквально, с самосознающим себя человеком.

В работе освещается множество аспектов обширной темы, но мы отметим на настоящий момент самый животрепещущий из них. Речь идет об информационно-семиотическом сегменте ноосферного образования. Д. Смирнов остается верен себе, настаивая на положении о том, что образовательные процессы обязательно должны быть дополнены современной гуманитарной составляющей – прежде всего философской антропологией. Автором исследования не забыта и древняя, в частности античная, традиция, это – «пайдейя», что в переводе с греческого означает «культура», «образование», «воспитание». Греки видели в ней посредника между космосом и человеком. В книге приведенный термин употребляется в значении «доводка, шлифовка, совершенствование, воспитание» (с. 306) – на

основе того, что в человеке заложено биосферой и импульсами ноосферности. Согласуясь с лестницей понятий, выстроенной Д. Смирновым, пайдейя входит в состав семиософии.. Я не буду комментировать содержание этой отрасли знания, надеясь, что читатель откликнется на зов собственного любопытства и самостоятельно уяснит, что это за наука.

Не могу удержаться от одного замечания, которое мне представляется весьма существенным. Анализируя структурно-семиотические аспекты универсума и отмечая эвристический потенциал связанных с ними методологических стратегий, Д. Смирнов полагает, что далеко не все из них могут служить гарантией креативного постижения знаковой реальности. О том, что подобные средства познания нуждаются в обогащении со стороны антропного принципа, уже говорилось. А далее следует развитие этой идеи. Исследователь считает, что будущее семиософии сопряжено с выработкой не только структурно-морфологического, но и целостно-организменного анализа универсума, чем гальванизируется традиция, идущая из глубин античности. В философии, как и в науке, часто наблюдается схождение концов и начал. Как филолог добавлю, что упоминавшаяся выше поэтика, равно как и языкознание, активно реагирует на подобные перспективы синтеза, уходя тем самым от возможных рецидивов формализма при изучении художественных произведений в их текстовом своеобразии.

Эти заметки хочется заключить следующими оценочными соображениями.

Очевидно, что книга, читая которую, испытываешь удовольствие от ее текста, написана широко образованным и даровитым автором, который комфортно чувствует себя в системе различных философских систем и ментальных формаций. Многие страницы сочинения написаны с большим мастерством и не без стилистического блеска, о других достоинствах этого труда уже было сказано. Приобщим сюда и наше одобрение усилий, приложенных Д. Смирновым для составления обширного библиографического списка, имеющего большую ценность. Всякий, кто

хочет войти в мир книги, будет иметь возможность увидеть его проблемно-тематические горизонты. Но нам хотелось бы высказать, с полной симпатией к автору, и некоторые критические соображения.

Вероятно, оттого, что творчество есть, по слову Л. Толстого, «энергия заблуждения», мы, пишущие люди, находимся под обаянием собственных теорий и концепций. В подобных ситуациях порою исчезает ощущение драматизма исследуемого материала. Да и чего вы хотите: идея «работает», выводы из нее «вытекают» и формулируются, убеждая нас в том, что «все гармонично». В сочинении Д. Смирнова нота некоего нечувствия противоречивости отдельных проблемных сюжетов все-таки дает знать о себе, например, где пишется об универсальной семиотичности в контексте глобализационных процессов. Хотя автор и задумывается над вопросами этнической идентичности народов, особенно малых, об угрозе нивелирования форм национального быта, обычаев и религиозных ритуалов, его мысль, тем не менее, движется в изначально заданном русле. Не напоминает ли эта редукция экзистенциально важной проблематики тенденцию, которая сопутствовала попыткам создания единого языка, оказавшейся заурядной утопией? Думаю, что – нет, не напоминает, но все же...

Выше я отметил четкую структурированность книги и ее частей. Однако при переиздании этого труда надо бы устранить излишнюю дробность повествования, где встречаются чрезмерно краткие параграфы и разделы. Читаешь их названия и думаешь: вот сейчас узнаю о том-то и о том-то. Ан нет: узнаешь только о чем-то одном, а о другом, что могло бы углубить предыдущее, – ни слова. Помни поучение: восхищаясь и любопытствуя, не обольщайся!.. Впрочем, мои лирические вздохи ничуть не преуменьшают актуальности и ценности превосходно выполненного исследования, но лишь подтверждают истинность слов В. Набокова о том, что хорошая книга своей последней страницей не кончается, а продолжает жить в трепете читательской мысли...

Приятно констатировать, что труд Д. Смирнова создавался в атмосфере творческого содружества двух сообществ – кафедры философии и НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете. Хочется надеяться, что этот союз и в дальнейшем будет плодотворным, а его результаты – столь же высокого качества, как и монография, побудившая меня, хотя и к дилетантским, но, может быть, для кого-то небесполезным размышлениям...

¹ Смирнов Д. Г. Семиософия ноосферного универсума: Ноосфера и семиосфера в глобальном дискурсе. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2008. – 372 с.